Фань Сянь с улыбкой покачал головой, имея в виду, что его вовсе не раздражает путешествовать в одиночестве. Он знал, что после того, как часто он задерживался в повозке Сы Лили, ему, вероятно, уже не отделаться от репутации сластолюбца в глазах этих людей. Поразмыслив некоторое время, он вдруг спросил:

— Мы едем уже столько дней, по казённому тракту можно двигаться быстро, и мы уже проехали больше, чем от нашей столицы до границы. Кажется, территория Северной Ци довольно велика?

В повозке повисло неловкое молчание.

Лишь спустя долгое время Линь Цзин улыбнулся и ответил:

— Так и есть. Хотя в прошлом году наш император отнял у Северной Ци солидный кусок земли, но, если говорить о территории и населении, Северная Ци всё ещё остаётся самой большой страной в Поднебесной. Просто в ней постоянные внутренние беспорядки, народ разобщён, поэтому нам она не соперник.

Фань Сянь слегка нахмурился, подумав, что если бы Северная Ци могла воодушевиться, то страна, где он жил с малолетства, действительно оказалась бы в беде. Как раз в это время он услышал, как Гао Да сказал низким голосом:

— Раз так, значит, ещё полно земли, которая ждёт, пока мы её завоюем.

Гао Да говорил очень мало, и в последние дни, когда на нём больше не лежала ответственность за охрану Сяо Эня, все его краткие реплики казались абсурдными и смехотворными. Фань Сянь не мог сдержать смех, подумав, что чиновники государства Цин за двадцать лет побед действительно стали ужасающе самоуверенными.

С другой стороны Ван Цинянь ухмыльнулся и сказал:

— Господин Гао, поддакивать — это моя работа, не отбирайте её у меня.

***

По дороге посольство останавливалось на разных почтовых станциях Северной Ци и редко в сколько-нибудь крупных городах. Хотя послы государства Цин были немного недовольны, но из-за внимательного и любезного приёма со стороны встречающих чиновников им было бы неловко что-то говорить. В глубине души все понимали, что при этом соглашении Северная Ци сильно потеряла лицо, и, естественно, им было бы стыдно позволять всему народу смотреть, как посольство с юга самодовольно проезжает через город.

Но по дороге всегда можно встретить обычных людей. Однажды Фань Сянь спросил о том, что

его давно интересовало:

— Почему это люди Северной Ци вроде бы не очень нас ненавидят, а вместо этого смотрят презрительно, свысока и даже с каким-то сочувствием?

— В глазах народа Северной Ци мы всё-таки ещё южные варвары, нецивилизованный народ, — с улыбкой ответил Линь Цзин. — А что касается войны между двумя странами, императорская семья Северной Ци, естественно, тщательно скрывала её. Хотя северяне и знают, что государство Цин сейчас чрезвычайно могущественно, но в глубине души они всё ещё относятся к нам пренебрежительно.

Фань Сянь покачал головой и вздохнул:

— Завязали себе глаза и думают, что теперь не боятся темноты.

— В конце концов, Северная Ци является наследницей Северной Вэй. А те всегда считали себя единственной законной властью в мире, поэтому понятно, что они будут смотреть свысока на соседние страны.

Это была правда. Хотя государство Северная Вэй уже двадцать лет как пало, но когда-то этот колосс обосновался на континенте, закрыв своей тенью все мелкие страны вокруг: это была действительно самая могущественная государственная структура в мире. Сердца северян всё ещё радовало то, как варвары приходили к ним на поклон, поэтому они до сих пор считали, что Северная Ци сохраняет свою былую славу, а сами они — народ самой могущественной страны в мире, и, глядя на другие народы, могли по привычке слегка задирать нос, смотреть сверху вниз, к себе же относясь со снисхождением, самовосхвалением и переоценивая свои достоинства.

Людям нравится жить прошлым. Конечно, чиновники Северной Ци понимали, что мир давно изменился; это было заметно по той вежливости, с которой они относились к посольству государства Цин.

— Есть ещё один очень важный момент, — продолжал спокойно анализировать Линь Цзин. — Северная Ци унаследовала большую часть территории и чиновников Северной Вэй, поэтому учёные люди всего мира в основном считают Северную Ци примером, и путь в литературу лежит через неё, всё так и есть. Ежегодные императорские экзамены в Северной Ци во время Праздника весны проходят намного оживлённее, чем у нас. Не только талантливые учёные из Северной Ци съезжаются на них в столицу, но и даже учёные из города Восточных варваров, не испугавшись трудностей долгого пути, прибывают на них.

Ван Цинянь встрял в разговор:

— Верно, даже многие из наших учёных ещё несколько лет назад ездили туда, чтобы сдать императорский экзамен.

— Глупость, — издевательски произнёс Фань Сянь. — Может, люди из Цин ещё и могут стать чиновниками в Северной Ци?

Линь Цзин криво улыбнулся и ответил:

— Разумеется, это невозможно. Просто все в Поднебесной, кажется, одобряют это, поэтому если талантливый человек смог войти в тройку лучших на весеннем экзамене в Северной Ци, то у него хватит способностей, чтобы быть чиновником в любой стране мира. Это не исключение даже в нашем государстве Цин — господин, вы ведь служили фэнчжэном в училище Тайсюэ, так что вы, естественно, знаете императорского наставника Шу У, верно?

Фань Сянь кивнул.

Линь Цзин продолжил со вздохом:

— Этот императорский наставник Шу когда-то учился в Северной Ци, и его учителем был Чжуан Мохань, так что он всю жизнь будет похваляться тем, что он ученик Чжуан Моханя. Подумайте, господин, наставник Шу сдал экзамен на среднем уровне, однако смог, вернувшись в государство Цин, занять официальный пост — разве это не свидетельство расцвета культуры в Северной Ци?

Фань Сянь улыбнулся и покачал головой:

— Неудивительно, что император последние годы активно взялся за гражданское управление, наверное, не мог вынести такой горькой обиды.

— Верно. Что касается боевых искусств, тут никто в мире не сравнится с нашей страной, — сказал Линь Цзин. — Но в отношении культуры у нас просто никогда не было никаких настоящих талантов.

— Литература — это низменный путь, — ответил Фань Сянь.

Линь Цзин подумал о чём-то и ответил со смехом:

— Конечно, господин Фань появился внезапно и потряс Чжуан Моханя из Северной Ци настолько, что тот закашлялся кровью. С тех пор никто не осмеливается что-то сказать о нашем государстве Цин.

Ван Цинянь непрестанно ему поддакивал, и Гао Да тоже кивнул. Не факт, что возвышение Фань Сяня заставило все стороны в столице чувствовать себя комфортно, но на международном уровне у государства Цин появился ещё один талант, который мог сбить спесь с Северной Ци за пределами поля битвы — наверное, всем в Цин это было по душе.

***

Фань Сянь надеялся, что это скучное, однообразное путешествие без компании красивых женщин закончится пораньше, но казённому тракту, казалось, не было ни конца, ни края. Жёлтая пыль, поднятая колёсами повозок, вилась над широкой дорогой, словно жёлтый дракон, крепко скованный посреди дороги двумя рядами деревьев на обочинах. Не в силах сбежать, он будто бы бесконечно жалко корчился, барахтаясь из последних сил.

По сторонам тракта росли деревья для защиты от пыли, и их листья, что большие, что маленькие, в целом казались гораздо шире, чем у деревьев в государстве Цин. Толстые, коренастые стволы отстояли друг от друга на несколько чжан. Фань Сянь высунул голову из окна повозки, прищурившись от ветра, и, глядя на мелькающие перед глазами деревья, почему-то вспомнил другой мир, о котором давно не задумывался. Он ещё помнил, как много лет назад ехал в поезде в Пекин и, когда проезжал Хэбэй, по обеим сторонам пути такие же деревья так же монотонно проносились мимо.

У окна пыли не было, потому что Фань Сянь, как глава миссии, ехал в первой повозке, а пыль глотали, естественно, его несчастные подчинённые и встречающие чиновники Северной Ци.

Внезапно в конце дороги появилась чёрная тень, вздымающаяся прямо над рядами деревьев, которые постепенно становились тоньше, — выглядело немного пугающе.

Фань Сянь подумал, что это тёмные тучи, и невольно улыбнулся. Хотя он не собирался, как на крыше в Даньчжоу, кричать всем, чтобы прибрали свою одежду, он приготовился предупредить возницу, чтобы тот надел накидку от дождя.

***

Повозки постепенно продвигались вперёд, и все, наконец, ясно увидели тёмную тень. В это время, как бы приветствуя прибывших издалека гостей, облака на небе вдруг расступились, пропуская мягкое весеннее солнце, осветившее тень.

Оказалось, это был огромный город.

Этот город был ещё внушительнее и величественнее, чем столица государства Цин. Городская стена высотой в три чжана, сложенная из больших глыб светлого камня, была немного наклонена, но всё равно необъяснимым образом подавляла любого, кто прибыл издалека, — казалось, что она может раздавить тебя в любой момент. На стене ещё имелись павильоны с многоярусными крышами, возможно играющие роль угловых башен, и солдаты патрулировали высокие стены по кругу.

Величественное и торжественное ощущение создавала эта колоссальная городская стена.

Перед городскими воротами уже освободили пространство, здесь не было праздношатающихся зевак, а чиновники Северной Ци из соответствующих ведомств на этой площадке ждали прибытия послов Южной Цин.

Скорость повозок, движущихся по тракту, постепенно уменьшалась, Фань Сянь прищурился и больше не смотрел в окно. Он не ожидал, что столица предстанет перед ним таким ошеломительным образом, и оказался в душе совсем к этому не готов.

Они прибыли в столицу Северной Ци.

***

Церемония началась, стороны обменялись приветствиями. Чиновники Северной Ци были одеты ярко и очень роскошно, в то время как послы Цин устали в дороге и выглядели немного потрёпанными, это было особенно заметно при сравнении.

Фань Сянь спокойно смотрел на происходящие перед ним сложные церемонии и лишь слегка кивнул, когда представлялся. В глазах жителей Северной Ци этот талантливый молодой чиновник был высокомерным негодяем, но Фань Сяня совершенно не заботило, какое впечатление он производил на другую сторону.

Всё его внимание было приковано к столичным зданиям. Этот огромный город возвышался на земле неведомо сколько лет, пережил множество невзгод. Внешние края огромных кусков светлого камня были источены ветром, но всё ещё упорно сохраняли твёрдость.

Фань Сянь очень распереживался, но не из-за того, из-за чего переживают все путешественники: он просто чувствовал, что, придя в этот мир семнадцать или восемнадцать лет назад, он наконец смог прикоснуться к истории этого мира, хотя это были всего лишь отголоски истории. Столица государства Цин тоже была весьма обширна, но там всё, казалось, издавало некий аромат новизны — Фань Сянь знал, что этот аромат оставила его мать. Поэтому увиденные сегодня столь древние строения дарили необъяснимое чувство огромных перемен.

http://tl.rulate.ru/book/96718/3163127